

Когда мы будем готовы?

Наталья Левених

Окно кабинета выходило в парк. Оля сидела на жестком стуле и наблюдала, как гнутся от ветра голые деревья. Интересно, мамино окно на этой же стороне? Было бы хорошо, она так любит природу. Может быть, даже прикормит местную птичку... Хотя окна в хосписах наверняка не открываются, как в любых больницах.

— Ну вот, сейчас последние бумажки с вами оформим, и всё, — врач вошёл в кабинет, разложил на столе веер бланков.

Оля пробежала глазами документы и расписалась там, где синели острые галочки.

— Вы всё сделали правильно. Вашей маме будет у нас хорошо.

Как может быть хорошо в месте, куда приезжают умирать? Но врач явно старался её приободрить, и Оля благодарно кивнула.

— Посещения по графику, расписание в памятке. Мы сотрудничаем с психологом, помогающим пережить утрату. Вот визитка. С детьми он не работает, но можете попросить рекомендации.

— С детьми?..

— У вашей мамы есть внук, верно? Детей нужно готовить к смерти близкого родственника. Как я уже сказал, если нужна помощь...

— Спасибо, — отозвалась Оля. — Мы, наверное, как-нибудь сами.

Выйдя из здания, Оля наконец проверила телефон. Десять пропущенных, пять из них — от сестры. Она вздохнула и набрала номер.

— Привет. Да, устроились, всё нормально. Палата хорошая, персонал вежливый. Посещения по графику. Погоди, наушники достану: рука мёрзнет.

Ветер не стихал. Оля шагала быстро, но её всё равно обгоняли сухие листья. Как же всё мрачно, и не только хоспис виноват. Сестра тоже поддержать не умеет: бесконечно извиняется, что не может приехать, жалуется на семейные проблемы. Что ж, у всех горе. Но у Оли стало кончаться терпение.

— Давай прощаться, я к остановке подхожу. Что? Как справляюсь? Да нормально вроде. Ты же знаешь, я в таких ситуациях как робот: делаю, что нужно, эмоции — потом. Вот сейчас сказали, что Тёму надо как-то подготовить. Буду разбираться.

Оля сидела в кафе, уставившись на экран ноутбука. Жизнерадостное жёлто-красное окошко поисковой системы оскверняли чёрные буквы запроса: «Как говорить с ребёнком о смерти». Почему-то предлагали начать с котёнка.

— Фильтр-кофе, Колумбия, — отчеканила официантка. Слева возникла синяя чашка, из которой шёл горячий кислый пар.

Оля сделала первый глоток, обожглась, поморщилась от горечи. Встряхнулась и смогла наконец щёлкнуть на первую из ссылок, где упоминался близкий родственник. Роскоши начинать с котёнка у неё не было.

Так, что тут у нас? Избегать разговоров нельзя. Лгать нельзя. Информацию давать по возрасту.

Интересно, какая информация о смерти будет «по возрасту», если ребёнку четыре года? Лучше бы никакая.

Оля добавила в кофе сахар, сделала ещё глоток, открыла блокнот и приготовилась конспектировать.

Через час у неё было несколько списков. Книжки о смерти, фильмы о смерти, что нужно говорить, чего нельзя говорить, как выбрать момент...

Напоследок она выписала варианты неадекватного поведения детей: «Ребёнок может убежать, засмеяться, вернуться к игре. Это нормально».

Три раза подчеркнула слово «нормально».

В этой новой нормальности она среди дня сидит в кафе, каждый день разговаривает с врачами, вздрагивает от любого звонка... А теперь ещё и думает, как правильно рассказать о смерти ребёнку, который позавчера плакал над мультиком про Колобка.

Оля бросила взгляд на часы. Как раз кончился тихий час, пора забирать Тёму из садика. Она закрыла ноутбук, допила остывший кофе.

Посидела ещё несколько секунд, собираясь с силами. Потом надела плащ и вышла в ноябрьский дождь.

— Когда ты с ним поговоришь?

Голос мужа звучал спокойно, но вилка и нож в руках взвизгивали, разрезая омлет.

Оля резко выдохнула и отодвинула тарелку.

— Когда мы будем готовы. Андрей, ну пожалуйста, ну могу я хотя бы в субботу позавтракать спокойно? Хотя чуть-чуть про это всё не думать?

— И когда же мы будем готовы? Делай что хочешь, твоя воля, но Артёма жалко. Он же чувствует. Тебя нет целыми днями, возвращаешься грустная, ему беспокойно.

— Делать что хочу? — Оля вцепилась в ручку чашки. — Думаешь, я этого хочу? Всю жизнь мечтала ездить к матери в хоспис? И вздрагивать от каждого звонка: а вдруг уже? И рассказывать Тёме о смерти, да?

Олю колотило, зубы стучали.

— Мама! — раздался голос из коридора.

— Артём, не входи сюда!

Андрей подскочил, закрыл дверь, подошёл к Оле, обнял. Потихоньку Оля перестала дрожать, отпустила чашку и обмякла в руках мужа.

— Прости меня, — Андрей отодвинул чашку от края стола. — Я понимаю, тебе тяжело. Хочешь, я сам поговорю?

Оля выдохнула, уткнулась мужу в грудь.

— Плачешь?

Оля помотала головой, глубже зарываясь в складки его свитера.

— Надо бы, а не могу.

Она отстранилась, вздохнула, придвинула чашку и сделала пару глотков.

— Спасибо, я сама. Я почитала статьи про то, как всё правильно сделать. Мультики с ним посмотрели, даже обсудили. Книжки купила, в прихожей в пакете стоят. Почитай с ним сегодня, хорошо? А я завтра поговорю.

Оля закрыла за собой дверь детской, прошла в гостиную и облегчённо выдохнула.

— Всё хорошо?

На маленьком столике уже стояли чайник, чашки и тарелка с пирожными.

— Кажется, да, — Оля опустилась на диван рядом с мужем. В чашке с чаем отражались золотые лампочки.

— Конечно, странно несколько раз повторять одно и то же... И ты знаешь, он совсем не плачет.

— Ну в твоих статьях же писали, что информация усваивается постепенно. Ты молодец, всё сделала правильно. Ему нужно время. Дай бог, это время у нас будет.

Оля прижалась щекой к плечу мужа, поднесла к губам чашку.

— Мама... — Тёма выглядывал из-за двери, щурясь от света.

— Артём, иди спать. У нас с мамой взрослое время.

— Что случилось, Тём?

— У меня есть вопрос.

Родители переглянулись. Оля встала.

— Пойдём, я тебя уложу, и ты задашь все вопросы, хорошо? — Оля поймала ободряющий взгляд мужа, обняла сына за плечи и пошла в детскую.

Маленький ночник разбрасывал по потолку светлые звёздочки. Оля подвела сына к кроватке.

— Мама, ты полежишь со мной?

— Милый, я не помещусь, — улыбнулась Оля.

— Я подвинусь, — серьёзно ответил Тёма. — Хочу обняться.

Оля скинула тапочки, поджала ноги и втиснулась между стенкой и сыном.

— Какой у тебя вопрос?

— Он про смерть.

— Говори как есть, — Оля обняла сына сзади, уткнулась лбом в его затылок.

Она чувствовала себя сапёром, идущим по минному полю. Но сапёром подготовленным. Что он спросит? Сработает ли на бабушке живая вода? Встретятся ли они после смерти? Умрёт ли он сам?

Заготовленные ответы всплывали в голове, как окошки в браузере. Хорошо, что есть интернет. И как люди справлялись раньше?

— Когда я умру... Я же умру, да?

— Да, сынок, но очень-очень нескоро, — облегчённо выдохнула Оля. — Пройдёт много лет, врачи изобретут новые лекарства...

— Да, я знаю. Но когда я умру... Вы с папой заведёте себе нового ребёнка, чтобы вам было не скучно жить?

Оля оторопела. Тёма явно что-то недопонял. Неужели опять всё сначала?

— Тём, ты же знаешь, что все люди умирают, да?

— Да. Бабушка болеет и скоро умрёт. И собака в мультике умерла. И дедушка в книжке.

— А мы с папой...

— Но вы с папой никогда не умрёте, правда? Так вы заведёте другого ребёнка, когда я умру? Я не против, заводите. А то вам, наверное, будет грустно без меня. Только пусть он не играет в мои игрушки.

— Ты думаешь, что ты умрёшь, а мы с папой нет?

— Ну да. А не так будет?

Оля перестала дышать. Говорить с детьми честно и открыто, не врать о важных вещах, создавать реалистичную картину мира...

Всё правильно, но что делать сейчас? Сказать четырёхлетнему ребёнку, что его мать умрёт раньше него? Психологи пишут, что нужно говорить информацию, к которой ребёнок готов... И когда же он будет готов понять, что его родители тоже умрут?

Господи ты боже мой, ей тридцать лет, а она сама не готова. Перед глазами всплыло окно хосписа и деревья за ним — хрупкие, как мамино тело сейчас. И тут внутри будто лопнул пузырь боли, и всё хлынуло наружу.

— Мама, тебе холодно? Ты трясёшься. Мам, у меня пижама сзади мокрая.

Тёма попытался повернуться, но Оля только сильнее прижалась лицом к его горячей спине. Боль впитывалась в пижаму, вытекала

из-под одеяла, растворялась в звёздочках на стене и потихоньку становилась переносимой. Наконец Оля судорожно вздохнула и отпустила сына.

— Мама? Не умрёте?

И тогда Оля позволила сыну повернуться, прижала его голову к своей груди и твёрдо сказала:

— Конечно, милый. Мы с папой никогда не умрём. Будем с тобой всегда. И не позволим никому играть с твоими игрушками.

Спасибо, что прочитали рассказ.

*Он входит в сборник Натальи Левених «Когда мы будем готовы»
(издательство Астрель СПб)*

Приобрести сборник можно в магазинах «Читай-город» и «Буквоед», а также на маркетплейсах.